

ДАЛЬНИЕ БЕРЕГА
Наши в Нью-Йорке

Я ТЕБЯ ЗАРАЗИЛА КОСМОСОМ...

*Я не знаю, зачем,
на симпозиум сосен, наверно,
Я в какой-то из жизней
на Землю еще заскочу.
А пока я прошу, как любви,
как спасенья, как веры:
- Не гасите свечу!*

Поэт Инна Богачинская живет в Нью-Йорке, но домом своим считает Москву. Одна из ее пяти книг называется «Перевод с космического». Неизменная «дружба» Инны с Космосом и стала отправной точкой нашего разговора.

- **Инночка, мы знакомы много лет. И мне всегда казалось, что даже в собственной квартире ты чувствуешь себя слегка чужой. Зато космические мотивы и пространства – это прямо-таки родная для тебя стихия, они дышат и звучат во многих твоих строчках. Когда впервые Космос стал манить тебя и осознаться почти «домашним»?**

- Сколько помню себя, всегда во мне было это увлечение звездами. Вечно я мучила взрослых вопросами про звезды. И когда у меня самой появилась дочка, я рисовала ей на песке Солнечную систему, ходила с ней в планетарий. И всегда знала, что Космос – это что-то неисчерпаемое и обязательно одухотворенное, разумное. Этот разум помогает не оступиться, показывает нам, что мы не одиноки.

- **Люди часто ощущают небо, Космос огромным, холодным и пустым. А ты, похоже, ждешь и получаешь оттуда больше поддержки и тепла, чем от земных жителей?**

- Если говорить честно, то это так. Я действительно чувствую, что на земном уровне я как бы чужая. Я «не приживаюсь» к уютным стенам, мне трудно ладить с бытом, из меня не получается проворной хозяйки. Зато когда я иду по «космическим тропам», то неизменно получаю помощь.

- **«Космические тропы» – это что? Поэзия?**

- Не обязательно. Например, много лет назад у меня была тяжелая личная драма. Я поехала во Францию, была в Париже. И вдруг ночью, в полусне вспомнила, что когда-то давным-давно то ли читала, то ли слышала о французском городе Лурде. Утром спросила в гостинице, где это. Мне сказали, что есть такой город, место паломничества верующих со всего мира. Я сразу отказалась от нескольких дней в Париже и поехала в Лурд. Рассказывать об этом долго, но суть в том, что поездка эта многое во мне изменила, помогла справиться с болью души.

- **Мы с тобой давно согласны в том, что боль – неизменная спутница живой души. Булат Окуджава многократно и замечательно сформулировал мысль о том, что обожженная душа – милосерднее и праведней. У тебя я читаю фразу: «Болезнь – лестница к Богу». Всегда ли это так? Ведь известно,**

что многих страдания – в том числе физические – ожесточают или «ломают». Одних боль приводит к Богу, других – к деградации.

- Нет общих законов. У каждого – своя «конструкция» судьбы. Конечно, кого-то страдания могут ожесточить. И, конечно, не может мать девушки, погибшей, например, во время теракта, благодарить Бога за такое горе, такое страшное испытание. И все же стоит попытаться подняться хоть на ступеньку надо всем, что происходит на Земле.

У меня свои отношения с мирозданием (можно сказать – с Богом, Космосом). Я принимаю его правила игры. Стараюсь принимать и успех, и неудачу как урок, часть пути. Знаю точно: каждый из нас все получает «в пакете». Если мы хотим принять радость, любовь, восторг – должны быть готовы к тому, что следом нас ждут боль, разлука и, может быть, потеря. Таковы правила игры. Если их принимаешь – жить легче. Ведь не случайно все религии мира призывают к смирению.

- **Странновато слышать от тебя это слово. Уж больно «несмиренна» ты в общении с людьми, часто резка в оценках и поступках, тебя часто упрекают в максимализме.**

- Правильно, я многого не приемлю во взаимоотношениях людей – но принимаю неизбежность тяжелых жизненных испытаний.

*Я забреду
в дежурную тетрадь
И напишу,
словам снискав нажим:
-Послушайте,
не больно умирать!
На самом деле
больно только жить.*

- **Скажи, Инна, боль там, в Америке, - и здесь, в недолгие дни твоих приездов в Россию, она ведь наверняка разная. Что самое мучительное там?**

- Боль, как и радость, у каждого человека имеет свою окраску. Там мне больно от того, что я не вижу рисунок (и географический, и психологический, и лица, и улицы), который дорог мне с детства. Я выросла в коммунальной квартире, при очень скудном достатке. И мне необходимо ощущение плеча рядом. Знаменитые американские улыбки не могут этого заменить. Моя дочь говорит иногда, что хорошо бы найти середину между русским стремлением к драматизации всего и вся – и американской склонностью все упростить, отпихнуть «лишние» проблемы, не обременять душу состраданием... Наверное, в этом есть своя «сермяжная правда». Конечно, нельзя забывать, что именно в Америке я состоялась как поэт. Книга Года за 1991 год энциклопедии «Британника» назвала меня «одним из наиболее состоявшихся поэтов русского Зарубежья». И вообще Америка проявила к нам необычайную щедрость. Я благодарна ей за то, каким вниманием и заботой много лет была окружена моя мама, никогда не работавшая на этой земле, но за спиной у которой был 40-летний врачебный стаж в России. Я благодарна этой стране за то, что моя дочь сумела получить очень хорошее

образование. За то, что занимаюсь работой, которую люблю: я – судебная переводчица. И за многое другое, конечно. Но дом мой все равно – в России.

- **В твоей только что вышедшей пятой книге «Репортаж из параллельного мира» есть такие поэтические строчки: «Эмиграция сродни пересадке органа/ Ампутации прожитого генофонда./ Эмиграция – участь обжигающе-белого ворона, / Обреченного на происки самоубийственного марафона». Каждая из этих строк – как колючая проволока, на которую все время натывается твоя неугомонная и ранимая душа. Несмотря на 28-летнее обитание в Нью-Йорке, ты так и не смогла (не захотела?) ощутить себя стопроцентной американкой.**

- Каждому, кто пережил пересадку какого-то органа, знакомо это ощущение. Ведь эмиграция как раз и есть такой искусственно-вынужденный акт пересадки. Не секрет, что каждый воспринимает с разной степенью остроты и аромат морской волны, и акробатические трюки судьбы. Кто-то из философов сказал: «Нет действительности. Есть наша реакция на нее». Увы, у меня она в состоянии хронического воспалительного процесса. Да, прошло более 28 лет с тех пор, как я вынуждена была сделать такой кардинальный вираж на своем пути. Но я не растеряла себя на эмигрантских тропах, осталась верной своим максималистским принципам и своей принадлежности к одной из самых венценосных культур в мире. Горжусь тем, что моя дочка Алена совершенно чисто разговаривает по-русски.

- **В книге – более 400 страниц. В ней собраны не только стихи, но, как и в остальных твоих книгах, много эссе и других журналистских работ. Ведь ты начинала свою творческую деятельность как журналист в газете «Вечерняя Одесса». Моё внимание привлекла твоя проза «Анатомия одного отъезда», в самом деле, анатомически повествующая о тех не поддающихся здравому смыслу испытаниях, которые тебе и твоей семье пришлось пройти для выезда в США. Когда и как ты это писала?**

- О, эта, как я её назвала «психологическая хроника», была моим спасательным кругом. Я писала её, пребывая в г. Ладисполи, под Римом, ожидая очереди для отъезда в финальный отправной пункт – в Нью-Йорк. Всё было настолько свежо и раскалено, что мне не представляло труда воссоздать всю картину буквально почасово. Тогда эта проза называлась «Прощай, Россия!» и должна была войти в мою 1-ю книгу «СТИХИЯ», но из-за ошибки печатника не попала в неё. И, обнаружив рукопись в своих бумажных залежах, я поместила её в мою только что вышедшую книгу, дав ей другое название – «Анатомия одного отъезда».

- **Да, эти страницы впечатляют. И вообще книга эта – наиболее полная. Ведь в неё включён и раздел посвящений тебе – от поэтических, до литературоведческих исследований твоего творчества, и до отрывков из дипломных работ студентов Одесского Университета и Университета Владикавказа, закончивших эти ВУЗы с дипломами на тему твоего творчества. А вот почему ты её назвала «Репортаж из параллельного мира»? Может быть, это дань моде на увлечение потусторонними явлениями?**

- Ты же знаешь, что я и мода – отнюдь не «близнецы-братья». Я её не переносила ни в какой форме с юности. Мне предпочтительней тезис Жана Кокто: «Я не следовал моде. Я её создавал».

В процессе самопознания, открытия себя в себе и себя в мире, передо мной развернулась панорама существования обитателей нашей планеты, каждый из которых представляет собой свой отдельный мир, курсирующий по жизни параллельно другим, таким же мирам. Какие бы стыковки не происходили между этими мирами, каждый остаётся заключённым в своей микро галактике. Отсюда и название книги.

- Что изменилось в твоей жизни за последние несколько лет?

- Как я уже говорила, для меня основное – самопознание и обретение власти над стихиями своей натуры. Китайский философ Дао Да Цзгин сказал: «Знающий людей – благоразумен. Знающий себя – просвещён. Побеждающий людей – силен. Побеждающий себя – могуществен.» В этом отношении для меня главное – хоть малейшее движение вперёд. Хоть на шаг, но быть сегодня дальше, чем вчера. А в житейском плане для меня, наверное, наиболее существенно то, что моё творчество было включено в программу преподавания в Одесском Университете, в Одесском Педагогическом Университете и Университете Владикавказа. В результате – 4 дипломные работы по моему творчеству. Особенно приятно то, что молодые люди, окончившие университеты и посвятившие свои дипломные работы моему творчеству, установили со мной очень дружеские, доверительные отношения. Я вообще чувствую свою принадлежность к их возрастной группе. И поэтому, видимо, им близко то, что я делаю в литературе.

Но самое главное, конечно, это захватывающий, гипнотизирующий меня и поднимающий над всеми обделённостями и несложностями жизни – процесс Творчества. Как говорила Марина Цветаева: «Главное – не успех, а успеть».

- Много лет назад мы говорили с тобой о том, что вынужденная эмиграция - явление противоестественное, что она порой необратимо калечит психику человека. Сейчас само понятие эмиграции вроде бы изменилось, в нем меньше горечи и надрыва. Стало легче пересекать границы во всех направлениях, никто не шлет вслед проклятий. Это облегчило твою жизнь?

- Лишь отчасти. Теперь все упирается в тривиальное понятие денег. Многие мои знакомые не могут ездить к своим близким – слишком дорого. А формальные запреты теперь исходят от американцев. Америка «разбухла», и даже разрешение приехать в гости выдается с большим трудом. И эта вечная власть над нами границ – настоящая трагедия.

- У известного греческого режиссера Ангелопулоса есть фильм «Шаг аиста». Он весь о том, что люди веками возводят и преодолевают всякого рода границы: географические, национальные, политические, возрастные... И сами эти границы – в равной мере нелепы и неизбежны. Люди просто не умеют жить иначе. Как тебе кажется, может быть, это тоже некие правила земной жизни, с которыми надо смириться?

- Этот вопрос смыкается с понятием внутреннего рабства – или свободы. Для меня страшнее всего границы, которые пытаются диктовать мне, как надо себя вести, с кем общаться, какой длины юбку носить. Этих границ я не признаю. Кто-

то недавно сказал мне: «Здесь, в России, часто умирают, так и не успев пожить, понять и проявить себя». Самое страшное – когда вся жизнь уходит на тщательное следование чужим правилам и запретам. Любая граница – это рабство. А рабство противоречит природе человека, он не для этого рожден.

*А пока –
приговоры штампуются звонко.
Полыхает сирень.
Угасают каминь.
Продолжается эта безумная гонка,
Где всегда не хватает
молитвы и мига.*

- **Инночка, на что не хватает тебе мига? Ведь, кроме высот поэзии, есть еще и обычная бытовая суета.**

- У каждого свои приоритеты. Вот как раз на быт мне и не хватает времени. Гораздо важнее попытки помочь конкретным людям, кого-то утешить, привезти лекарство. Ради этого отставляются и стихи, и молитвы, на это всегда должно хватать времени. И деньги зарабатывать приходится. А вот на хлопоты по хозяйству минуток не хватает.

- **Похоже, ты об этом не слишком сожалешь...**

- Неправда, я страдаю от этого, мне всегда неловко, что квартира так захламлена бумагами, журналами, черновиками... Конечно, на молитву тоже часто не хватает минут. Но зато тогда, когда удастся затормозить бег, ощутить себя частицей огромного мира, полного энергией и радости – вопреки хаосу и боли – это большое чудо. Ради этого праздника стоит жить. Помните, Светлов говорил когда-то, что без необходимого можно обойтись, а без излишеств – нет. Это точно про меня.

- **Инна, о ком ты молишься? Твои молитвы «поименны»?**

- Да, чаще всего они о близких людях – и в Нью-Йорке, и в Москве, и в Одессе... Но не только. Помню, например, как молилась о Юпитере, благодарила его. Был когда-то такой момент, когда Юпитер заслонил, защитил Землю от столкновения с огромным метеоритом, газеты писали об этом. И я будто чувствовала боль Юпитера от удара – и молилась за него.

- **Скажи, очередная книга – это некий итог? И еще одно. Знаю, что твоя дочь тоже писала стихи. Ты хочешь, чтобы она стала поэтом?**

- Я никогда ничего не итожу. Мои любимые знаки препинания – многоточия, тире и знак вопроса. И стихи, и разговор чаще всего я заканчиваю многоточием. Дочь все решит сама. Но я не хочу для нее такой судьбы. Это тяжелый путь, за который поэту почти не платят. Зато для тебя самой это бесконечная расплата болью за каждую появившуюся строку...

*Лило, как будто мир от жажды высох,
Смывая и налет, и наготу.
Лило, как будто небу брошен вызов.
Как будто Землю на расстрел ведут.*

*Мне все это до одури знакомо –
Воставших капель си-минорный вальс.
Как в двадцать – пробегаю босиком я,
Рисунком стоп пломбуя асфальт.*

*Вот так иду – промокшая, как знамя,
Что не спускалось ни в каком аду.
И влюблена. В кого? – Пока не знаю.
Но главное, что дождь и – что иду.*

Беседовала Светлана СУХАЯ
Журнал «Русский век»
г. Москва